

МЕРЫ И ВЕСА

Меры длины

До введения в 1925 году метрической системы мер и международной системы единиц в России действовали так называемые русские меры, которые постоянно встречаются в произведениях дореволюционной литературы. Нередко эти термины при чтении не вызывают у современного читателя никакого определенного представления.

Очень полезно разобраться и в них. Начнем с мер длины.

Слово «ВЕРШОК» знакомо каждому — нечто короткое, незначительное. О человеке незрелом, малыше до сих пор говорят: «От горшка два вершка». Слово происходит от «верх», то есть росток, всход — стебелек, пробившийся из земли. Мера вершка равна приблизительно 4,45 см.

Отправляясь к старухе-процентщице, *«чтобы подвесить топор к пальто изнутри, Раскольников из рубашки выдрал тесьму в вершок шириной и вершков в восемь длиной»*. Такая тесьма тяжелый топор удержала (роман Достоевского «Преступление и наказание»).

Гринева, пишет Савельич его родителям, *«ранен в грудь на полтора вершка»*, то есть более чем на шесть с половиной сантиметров.

О каторжниках в «Записках из мертвого дома» Достоевского: *«На спине у каждого вышит черный круг вершка два в диаметре»*, то есть 9 сантиметров.

В романе «Воскресение» Л. Толстого в дверях тюремных камер *«дырочки-глазки — в полвершка в диаметре»*.

Все это понятно. Но почему же тогда в «Муму» Тургенева о глухонемом богатыре дворнике Герасиме говорится, что он был *«мужчина двенадцати вершков роста»*? Стало быть, рост Герасима едва превышал полметра?

Но такая «несуразность» встретила не только у Тургенева! Вот и в «Идиоте» Достоевского читаем о том, что в компании Рогожина явился *«какой-то огромный, вершков двенадцати, господин»*.

Рослая сестра старухи-процентщицы Лизавета в «Преступлении и наказании» была *«по крайней мере, восьми вершков росту»*.

В этом же романе Раскольников насмешливо называет своего приятеля, долговязого Разумихина, влюбленного в Дуню, *«Ромео десяти вершков росту»*.

В «Сказке для детей» Лермонтова о величавом старике — хозяине большого дома говорится: *«Он ростом был двенадцати вершков»*.

Двенадцати— и пятнадцативершковые гиганты обнаруживаются в русской литературе в изобилии. В «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: *«Никитушка Ломов, бурлак, был гигант 15 вершков росту, весил 15 пудов»*. О Головане, герое рассказа Лескова «Несмертельный Голован», узнаем: *«В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков»*.

В чем тут секрет?

Дело в том, что в старину рост человека часто определялся в вершках свыше обязательных для нормального человека двух аршин (то есть 1 м 42 см). Таким образом, рост Герасима в «Муму» постигал 1 метра 95 см, рост Никитушки Ломова почти 2 м 09 см и т. д. Остальные примеры нетрудно перевести в сантиметры с помощью несложных арифметических действий по формуле: вершки в сантиметрах плюс 142 см.

В пьесе Горького «Мещане» машинист Нил притворяется, что не знает этого общеизвестного в те времена правила. Издеваясь над Еленой, которая хвалится тем, что муж ее *«был двенадцати вершков роста»*, Нил замечает: *«Он был так низок?»* Современному зрителю смысл этой насмешки уже неясен.

Это же правило касалось и роста лошадей. *«Лошади были крупные, четырехвершковые»*, — пишет С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука». Разумеется, это не значит, что рост их равнялся 18 сантиметрам.

ПЯДЬ равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. Конечно, у разных людей это расстояние было разным, мера пяди не могла быть точной. Договорились, чтобы пядь принимать за 4 вершка или за четверть аршина, но в практике эта мера применялась редко. Поэтому слово «пядь» и его вариант «пядень» в литературе встречается не в прямом, а в переносном значении, например, в поговорках *«семи пядей во лбу»*, то есть

высоколобой, очень умный, «ни пяди не уступлю» — не уступлю даже в самом малом и т.п. В драме А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» Борис Годунов говорит: «Королю ни пяди / Не уступили русской мы земли». Пугачев в «Капитанской дочке» Пушкина восклицает: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?.. Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет».

Гораздо шире была распространена такая мера длины, как АРШИН, равный 16 вершкам (четырем пядям), или 71 сантиметру. Слово было заимствовано у татар, в чьем языке означает локоть как меру длины. Знание длины аршина в сантиметрах поможет представить нам многие описания у классиков.

«Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни» (Тургенев. Касьян с Красивой Мечи).

У Некрасова: «Наши реченьки водой / Налились на три аршина» — половодье весьма значительное.

У Пушкина в «Сказке о царе Салтане» о царевиче Гвидоне сказано: «Сына Бог им дал в аршин». Тут, конечно, сказочное преувеличение: рост новорожденного ребенка редко превышает 55 см.

Мать Смердякова («Братья Карамазовы» Достоевского) «была очень малого роста девка, „двух аршин с малым“, как умиительно вспоминали о ней после ее смерти многие из богомольных старушек... города».

Сейчас ткань в магазинах отмеряют метровой линейкой, до революции меряли линейкой длиной в аршин с нанесенными на ней делениями — вершками. Такая линейка тоже называлась аршином. Отсюда выражение «как аршин проглотил» — о человеке, который держится неестественно прямо. «На свой аршин мерить» — оценивать что-либо по собственным критериям. О том, что аршины-линейки бывали разной длины, свидетельствует и рассказ Горького «Нилушка», где торговец Вологонов «стучит в переборку обмызанным аршином, в котором не более пятнадцати вершков». Теперь мы твердо знаем, что законная длина аршина — 16 вершков.

В «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина говорится, что в имении Головлевых «караси больше чем в пол-аршина есть» — явное преувеличение. А пастух в рассказе Чехова «Свирель» хвалится: «В нашей Песчанке, помню, цука в аршин ловилась...»

Помните сцену скачек в «Анне Карениной»? Там препятствия на ипподроме — запруженная река в три аршина шириною, канавка с водой в два аршина... При скачке через канавку Вронский сделал неправильное движение, повлекшее его падение с лошади.

В романе Л. Толстого «Воскресение» описано свидание в тюрьме: заключенных от посетителей отделяют две сетки, расстояние между которыми три аршина (то есть более двух метров). Неудивительно, что при общем гуле слышать слова собеседников очень трудно.

САЖЕНЬ равна трем аршинам, или 2,13 метра.

Младший сын Тараса Бульбы — Андрий был ростом «ровно в сажень». Такой рост очень редок, туг, бесспорно, преувеличение, нередкое у Гоголя. Собакевич хвалится своим умершим плотником Степаном Пробкой, который якобы был трех аршин с вершком ростом.

Еще более сильное, образное преувеличение в характеристике, которую Хлестова в «Горе от ума» дает полковнику Скалозубу: «...Трех сажень удалец...» Три сажени — почти шесть с половиной метров.

Весьма важно представить себе при чтении «Войны и мира» «пустое пространство сажень в триста», отделявшее русский эскадрон от французских войск.

Помня, что такое сажень, мы легко представим себе меткость одного из персонажей романа «Евгений Онегин» Зарецкого, который в молодости «в туз из пистолета / В пяти сажнях попадал». Именно его Ленский пригласил быть своим секундантом на печально закончившейся дуэли.

Кто не знает с детства стихотворения Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»? Там есть такие строки:

С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам: уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.

Положение и в самом деле катастрофическое: представьте себе островок площадью менее чем 0,71 X 2,13 метра! Дедушка Мазай пришел на помощь косым как нельзя вовремя.

Особый драматизм приобретает сажень как вертикаль — преодолеть ее нелегко, даже спрыгнуть с саженой, а тем более с двухсаженной высоты страшновато. В повести Лермонтова «Вадим» на пути к уединенной пещере находится обрыв высотой в две сажени: *«Должно надеяться на твердость ног своих, чтобы спрыгнуть туда; как ни говори, две сажени не шутка»*.

По требованию своенравной Зинаиды юный герой повести Тургенева «Первая любовь» прыгает со стены около двух саженей вышины: *«Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что и не мог удержаться; я упал и на мгновенье лишился сознания»*.

Неудивительно: ведь это прыжок с высоты второго этажа!

В «Тамани» Лермонтова не умеющий плавать Печорин чуть было не был вытолкнут из лодки на расстоянии около 50 саженей (то есть более 100 метров) от берега.

До сих пор о широкоплечем говорят: «У него КОСАЯ САЖЕНЬ в плечах». Умерший сын Касьяновны в стихотворении Некрасова «В деревне» был *«Росту большого, рука что железная, / Плечи — косая сажень»*. В отличие от обычной сажени, равной трем аршинам, косая сажень равнялась расстоянию от конца большого пальца правой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх левой руки. Таким образом, косая сажень была несколько более обычной, но выражение это не следует понимать буквально, столь широких плеч, конечно, ни у кого не бывало, тут гипербола.

ВЕРСТА — самая крупная русская мера длины, измерялись ею не предметы, а большие расстояния, дороги, реки и т.п. Поэтому называли ее путевой мерой.

Верста составляла 500 саженей, или 1,06 километра. Имение Простаковой в «Недоросле» Д.И. Фонвизина находилось в трех верстах от города. Учителя Митрофанушки приходили к нему на уроки пешком, то есть проделывали в день туда и обратно более шести километров.

Но это пустяки, если вспомнить сухопарого мужичка — посыльного Лаврецких («Дворянское гнездо» Тургенева), умевшего ходить в сутки по 60 верст, то есть почти по 70 километров.

Имение Манилова («Мертвые души») — в 15 верстах от городской заставы. От имения Одинцовой до имения Базаровых («Отцы и дети») — 25 верст. «До Мокрого было 20 верст с небольшим» («Братья Карамазовы»).

Вовсе не рекомендуется каждый раз браться за карандаш и подсчитывать точное расстояние в километрах. Абсолютная точность здесь не нужна. Достаточно запомнить, что верста лишь немногим более километра, поэтому проще уподобить старую меру новой, что облегчит представление о названных расстояниях.

Слово «верста» имело и другое значение — ВЕРСТОВОЙ СТОЛБ. Для того, чтобы лучше их заметить, красились они обычно косыми полосами в две краски — белую и темную, чаще всего черную, а между ними проходила узкая оранжевая полоса. Именно о таких верстах писал Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»:

Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне.

Отсюда же выражение КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА — об очень рослом человеке. Происходит оно от высоких верстовых столбов, расставленных по указу царя Алексея Михайловича между Москвой и селом Коломенским, где находился его дворец.

В заключение — небольшая таблица перевода русских линейных мер в метрические (без пяди).

1 вершок = 4,45 сантиметра.

1 аршин = 16 вершкам = 71 сантиметру.

1 сажень = 3 аршинам = 2,13 метра.

1 верста = 500 саженям = 1,06 километра.

Меры площади

Русские квадратные меры по названиям аналогичны линейным мерам: квадратный аршин, квадратная сажень и т.п., но определение «квадратный», как правило, отсутствовало, оно само собой подразумевалось.

Тесноту в камере, куда заключили Катюшу Маслову в «Воскресении» Л. Толстого, можно представить себе, переведя старые меры в метрические: *«Камера Масловой была длинная комната в*

9 аршин длины и 7 ширины». Подсчитаем: это 30 с небольшим квадратных метров. Сидело же в камере 15 человек: два квадратных метра на человека.

В том же романе хатка старухи Матрены, которую посещает помещик Нехлюдов, «была шести аршин», то есть около трех квадратных метров.

Точно такой же площади «черная, смрадная» избенка многодетного крестьянина Чуриса в рассказе Л. Толстого «Утро помещика», которого помещик хочет переселить в десятиаршинную избу. Шестиаршинную избенку Давыдки Белого в том же рассказе «*всю занимали печь с разломанной трубой, ткацкий стан, который, несмотря на летнее время, не был вынесен, и почерневший стол с выгнутою, треснувшию доскою*».

Особняком стоит такая мера площади, как ДЕСЯТИНА, постоянно встречающаяся в старой русской литературе при определении величины землевладения. Десятина равнялась 2400 квадратным саженьям, или 1,092 гектара. Одним словом — и это полезно запомнить, — десятина почти то же самое, что гектар.

Теперь нам станет ясна гигантская разница между количеством земли у крепостного крестьянина и помещика. Земельный надел крестьянина состоял обычно из двух-трех десятин, совсем нищенским считался надел в десятину. Вспомним строки А.В. Кольцова из «Песни пахаря»: «*Ну, тащися, сивка, / Паишей, десятиной*». Эта площадь была совершенно недостаточной для того, чтобы прокормить в год многодетную, как правило, крестьянскую семью, тем более что помещик наделял крестьянина худшей землей, дававшей низкую урожайность. Зато количество земли у помещика исчислялось сотнями и тысячами десятин.

У Константина Левина («Анна Каренина») — 3000 десятин в Калязинском уезде.

Мать Нехлюдова («Воскресение» Л. Толстого) «получила в приданое около 10 тысяч десятин».

У князя Лиговского тяжба с казной о 20 тысячах десятин лесу («Княгиня Лиговская» Лермонтова).

Таких данных в русской литературе множество.

После крестьянской реформы 1861 года помещичьи земли стали переходить в руки предприимчивых и оборотистых кулаков. В повести Горького «Фома Гордеев» миллионер Щуров говорит: «...был я в молодости мужик, а земли имел две с четью (четвертью. — Ю.Ф.) десятины, а под старость накопил одиннадцать тысяч десятин и все под лесом».

Полезно представить себе и величину усадебных садов, в которых происходит действие русских классических произведений. Сад, окружающий дом Федора Карамазова, «был величиной с десятину или немногим более». Зато у Шелестовых («Моя жизнь» Чехова) «сад был большой, на четырех десятинах».

Впрочем, десятина не всегда равнялась 2400 квадратным саженьям. В старину была и ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕСЯТИНА, поболее, — в 3200 или 3600 квадратных саженьей. О такой-то и мечтает Иудушка в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина: «Тогда десятина-то хозяйственная была, против нынешней в полтора раза побольше».

Если речь шла не о сельскохозяйственных угодьях, то площадь обычно исчислялась не в десятинах, а в квадратных верстах. В «Молохе» Куприна читаем: «...открылась огромная панорама завода, раскинувшегося на пятьдесят квадратных верст».

Меры веса

Сначала приведем таблицу:

Золотник = 4,26 грамма.

Лот = 3 золотника = 12,79 грамма.

Фунт = 32 лота = 410 граммов.

Пуд = 40 фунтов = 16,38 килограмма.

Берковец = 10 пудов = 163,8 килограмма.

ЗОЛОТНИК стал мерой веса на основе одноименной золотой монеты, которая использовалась как гирька. Отсюда — «*мал золотник, да дорог*». Так говорят о чем-то на вид незначительном, а по существу ценном. На золотники продавались товары, употреблявшиеся в домашнем хозяйстве в небольших количествах, — чай, сахар. Чепурин в пьесе Островского «Трудовой хлеб» получает два куска сахара — «*два золотника — рафинад нынче в цене*». Анна Павловна в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина «*проводит пальцем черту на комке масла и долго спорит из-за*

лишнего золотника, который выпрашивает повар ». В рассказе Горького «В степи» упоминается «кусочек хлеба золотников в пять весом », то есть очень небольшой, чуть тяжелее 20 граммов.

ЛОТ. Забытыми ныне лотами измерялись цветочные семена, почтовые отправления, ценные и полудрагоценные камни и т.п. В «Преступлении и наказании» Достоевского читаем: «*Письмо от матери Раскольникова было большое, плотное, в два лота: два большие почтовые листа были мелко-мелко исписаны* ». Итак, вес письма составлял почти 26 граммов. «*Вот, смотри, Верочка, это твое, а то Марфинькино — ни одной нитки жемчуга, ни одного лишнего лота ни та, ни другая не получит* », — говорит бабушка в «Обрыве» Гончарова, деля свои драгоценности.

ФУНТ. Фунтами измерялись хлеб, конфеты, масло, почти все продовольственные товары, и даже керосин — полторы копейки стоил фунт керосина. Схимник Ферапонт в «Братьях Карамазовых» «*ел всего лишь по два фунта хлеба в три дня, не более* ». В тяжелое военное время в Павлоградском полку — узнаем из «Войны и мира» — «*растягивали последние сухари: выдавали только полфунта на человека* », то есть двести граммов в сутки, очень немного.

В «Господах Головлевых» говорится о дынях «*по 20 фунтов весу — вот какие дыни!* ». Дыни действительно изрядные — по 8 с лишком килограммов каждая.

Восьмая часть фунта, то есть 50 граммов, в обиходе называлась ОСЬМУШКОЙ. Эта мера упоминается в автобиографической трилогии Горького: «*Мы покупали три золотника чая, осьмушку сахара...* »

Очень часто в старой литературе встречаем выражения «шестериковая сальная свеча», «пятериковая свеча» и т.п. В рассказе Глеба Успенского «Примерная семья» герои жалуются на оплывающие свечи и обмениваются такими репликами: «*Вы ЧЕТВЕРИК палите?*» — «*Четверик* ». Догадаться, как выглядела такая свеча, без исторических источников невозможно. А связаны эти бытовые названия с тем же фунтом: шестериковых свечей продавалось по шесть за фунт, пятериковых — по пять на фунт и т.п. Чем легче были свечи, тем меньше они оплывали.

ПУД. Слово знакомое, только недавно вышедшее из официального употребления, примерно — 16 килограммов. В классической литературе оно нередко употреблялось гиперболически. Гоголевский Тарас Бульба «*вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст* ». Бессмысленно, однако, переводить вес Бульбы в килограммы — храбрый казак не мог весить 327 килограммов. Это обычная для Гоголя гипербола.

То же — в «Горе от ума», где Фамусов говорит: «*...При государыне служил Екатерине. / А в те поры все важны, в сорок пуд...*» Здесь сорок пуд, конечно, не мера веса, а, если можно так выразиться, мера важности.

Были и редкие местные меры веса, например БАТМАН на Волге — 10 фунтов. В повести Горького «В людях» работник Мишка на спор съедает за два часа батман окорока, то есть 4 килограмма.

Вспоминая, как объедались блинами на масленицу в старой Москве, Куприн с усмешкой пишет: «*...цифры тут астрономические. Счет приходилось бы начинать пудами, переходить на берковцы, потом на тонны и вслед за тем уже на грузовые шестимачтовые корабли* ».

Меры емкости для сыпучих товаров

Это — меры объема, в старину ими отмеряли зерно, реже — муку и крупу. Из-за различия в кондиции и степени влажности они не могли быть абсолютно единичными и точными, по этой причине такие меры постепенно были вытеснены мерами веса. Однако в классической литературе меры емкости встречаются постоянно, ставя современного читателя в нелегкое положение: представить себе объем товара мы не в состоянии.

В самом деле — много это или мало, если из летописи дьячка в «Истории села Горюхина» Пушкина мы узнаем, что Белкин приобрел это село за четверть овса. Щедринский Иудушка Головлев одалживает нищему мужику «четверть ржицы и осьминку». «*У нас старик тоже три осьминки посеял* », — читаем в «Анне Карениной». В водевиле Чехова «Медведь» помещица велит отсыпать для коня Смирнова «осьмушку овса» и т.д.

Наиболее крупной мерой сыпучих тел была четверть, или куль — рогожный мешок, вмещающий это количество зерна. В старых справочниках узнаем: «*В торговле принято, что в четверти заключается 9,5 пуда пшеницы, 6,25 пуда ржи, 7,25 пуда ячменя, 6 пудов овса* ». Далее

следовали:

ОСЬМИНКА, или ОСЬМИННИК, — полчетверти, или 105 литров;

ЧЕТВЕРИК, или МЕРА, — одна восьмая четверти, или 26,24 литра; по весу примерно пуд зерна;

ГАРНЕЦ, или ОСЬМУШКА, — одна восьмая четверика, или 3,3 литра.

В рассказе П.И. Мельникова-Печерского «Балахоновы» сказано: *«И ходила молва про Балахоновых, что в кладовых своих они деньги четвериками пересыпают, а жемчуг гарнцами меряют»*.

«Богачи-то, богачи, а овса всего три меры дали... Что же три меры? Только закусить», — жалуется кучер Филипп после пребывания Долли в гостях у Вронского и Анны Карениной.

Важно также не смешивать четверть с четвериком, а осьмину с осьмушкой — слова сходные, а меры совершенно разные.

Все эти старинные меры, содержание которых, как указывают исследователи, в разных местах варьировались, постепенно отмирали, заменяясь мерами веса, а с введением метрической системы сыпучие товары стали измеряться килограммами, центнерами и тоннами.

Меры объема жидкости

Начнем с таблицы:

Шкалик, или косушка = 0,06 литра.

Чарка = два шкалика = 0,12 литра.

Четушка, или четверть штофа, или сороковка = 0,31 литра.

Полуштоф, или мерная бутылка = 0,6 литра.

Штоф (на Украине кварта) = 1,23 литра.

Осьмуха = 1/8 ведра = 1,55 литра.

Четверть, или четвертная, или сороковушка = 1/4 ведра = 3,1литра.

Ведро = 10 штофов = 12,3 литра. Бочка = 40 ведер = 492 литра.

ШТОФОМ назывались не только 1,2 литра жидкости, но и бутылка, эту меру содержащая, обычно четырехгранная.

Нередко в старой литературе можно встретить странное на нынешний взгляд выражение: *«Он попросил выпить на крючок»*.

КРЮЧКОМ иногда при продаже вина в розлив назывался черпак емкостью в чарку, укрепленный на длинной рукоятке с крючком, с помощью которого он подвешивался на край бочки или ведра. Чарка иногда называлась ЧЕПОРУХОЙ, полштофа — СКЛЯНКОЙ.

Большинство этих мер относится к спиртным напиткам и в этой роли встречается в русской литературе. Слово КРУЖКА, под которым сегодня подразумевается емкость в пол-литра, в старину обозначало меру жидкости (пива, молока), гораздо большую, равную штофу, то есть 1,23 литра. К XX веку объем кружки уменьшился и стал равняться полуштофу, то есть 0,6 литра.

На вечере у Фамусова в «Горе от ума» распространяется слух, будто бы Чацкий — пьяница, что он *«пил не по летам»* (словно можно пить в соответствии с возрастом!). *«Шампанское стаканами тянул»*, — заявляет Хлестова, Наталья Дмитриевна поправляет: *«Бутылками-с, и пребольшими»*. А Загорецкий с жаром утверждает: *«Нет-с, бочками сороковыми»*. Сплетня доходит до абсурда.

Температурная шкала

Сейчас для измерения температуры воздуха, воды, тела и т.п. мы пользуемся шкалой ЦЕЛЬСИЯ, в которой один градус равняется 1/100 разности температур кипения воды и таяния льда. Существует еще и шкала РЕОМЮРА, в которой градус равен 1/80 той же разности. В XIX и в начале XX века в России действовали обе шкалы, условно обозначаемые С или R. В литературе того времени шкалы часто не указываются, мы склонны воспринимать градусы по Цельсию, но это неверно: следует учитывать, что в дореволюционной России преобладала шкала Реомюра. Разница несущественна, но все же рекомендуем читателю для точности понимания каждый раз делить указанное число градуса на 0,8 — температура покажется нам холоднее (если ниже нуля), или теплее (если выше). Так, 24 градуса холода по Реомюру окажутся 30 градусами по Цельсию, и мы искренне посочувствуем героям. Ноль градусов в обеих шкалах совпадает.

В стихотворении Некрасова «О погоде» есть строки:

Двадцать градусов, ветер притом,

Бескаретные ходят пешком.

По шкале Цельсия это 25 градусов — погода не для прогулок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

От полушки до катеринки

Вряд ли в классической русской литературе найдется сколько-нибудь крупное произведение, в котором не упоминались бы денежные единицы, их заменители и кредитно-финансовые взаимоотношения персонажей. Этот слой лексики особенно труден для современного читателя — так многое в денежной и кредитной системе изменилось. Иные диалоги и фразы из классических произведений стали настолько непонятны, будто бы и не по-русски изложены. Вот, например, разговор о взятках в «Мертвых душах» Гоголя:

«Почему ж не дать? я готов четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой... писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству»... «Прежде было знаешь по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься...»

Или слова защитника в «Братьях Карамазовых» Достоевского:

«...воротившийся после убийства в лавку приказчик сообщил полиции не только об украденной сумме, но и из каких именно денег она состояла, то есть сколько было кредиток радужных, сколько синих, сколько красных, сколько золотых монет и каких именно».

Фразы эти звучат для нас почти как алгебраические уравнения.

Начнем с элементарного — разъяснения официальных и неофициальных названий денежных единиц, от мелких к крупным.

ПОЛУШКА — самая мелкая монета, 1/4 копейки. Существовала до 1917 года, в 1925-1928 годах снова была в обращении, но означала уже полкопейки. Слово обычно употреблялось в переносном значении — ничтожно малая величина, почти ничто. В «Домике в Коломне» Пушкина мнимая Маврушка, застигнутая за бритьем, *«ушла, не взяв в уплату ни полушки»*. Вспомним и пословицу: *«За морем телушка полушка, да рубль перевоз»*.

ДЕНЬГА, ДЕНЕЖКА. Медная монета достоинством в полкопейки. В комедии Фонвизина «Бригадир» прижимистая Бригадирша поучает сына Ивана правильно вести расходы, не округляя выплачиваемых сумм: *«Ты там не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой»*.

ГРОШ. Медная монета, до 1838 года — две копейки, потом — полкопейки. Чаще всего — синоним ничтожно малой суммы. Гоголевский Акакий Акакиевич *«имел обыкновение со всякого истраченного рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек»*. *«Ни в грош не ставить»* — не уважать, не считаться с кем-либо. *«Гроша медного не стоит»* и т.п.

КОПЕЙКА. Всегда равнялась одной сотой рубля.

СЕМИТКА, СЕМИШНИК, СЕМАК. Не семь, как можно подумать, а две копейки. Почему же в корне слова «семь»? До реформы 1838 года, сократившей курс в 3,5 раза, монета действительно равнялась семи копейкам. Курс изменился, а название осталось. Один из персонажей Глеба Успенского укоряет другого: *«А ты, ученый, даже не знаешь, что такое семитка. Знай, это две копейки»*.

АЛТЫН. Три копейки. Купец Брусков в комедии Островского «В чужом пиру похмелье» острит: *«По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек»*. Другая комедия Островского, повествующая о неожиданном богатстве: *«Не было ни гроша, да вдруг алтын»*. У Маши в «Капитанской дочке» Пушкина, по образному определению ее матери, приданого — *«частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить»*.

Трехкопеечная монета называлась также **ТРЫНКОЙ** и **ТРЕШНИКОВ**. В «Декабристах» Л. Толстого говорится: *«Во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям, и им же, с*

оторванными руками и ногами, подавали трынки». А «трешник» встречается у Некрасова: *«По времени приладились /И к новому писцу. Тот ни строки без трешиников, / Ни слова без семишников»*.

ПЯТАК, ПЯТАЧОК. 5 копеек. Были и серебряные монеты такого достоинства. Дуня дала мальчику, который вызвался показать ей могилу отца, *«пятак серебром»* (Пушкин. Станционный смотритель).

ГРИВЕННИК, в старом просторечии — гривна и грива — 10 копеек. В «Медном всаднике» Пушкина Евгений отправляется на другой берег Невы — *«И перевозчик беззаботный / Его за гривенник охотно / Через волны страшные везет»*. Повествователь в «Истории села Горюхина» Пушкина пишет, что крупно выиграл в карты *«в то время, как у меня в кармане оставался рубль 6 грив»*. Скупая бригадирша в «Бригадире» Фонвизина уверяет, что *«гривною в день можно быть сыту»*.

ПЯТИАЛТЫННЫЙ. $5 \times 3 = 15$ копеек. Актер в пьесе Горького «На дне», решивший бросить пить, радостно оповещает: *«Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв»*.

ДВУГРИВЕННЫЙ. $10 \times 2 = 20$ копеек. Художник Чартков покупает у купца роковой портрет старика *«за последний свой двугривенный»* («Портрет» Гоголя).

ЧЕТВЕРТАК. Четверть рубля, то есть 25 копеек. До 1917 года — ходячая серебряная монета. У Чехова в рассказе «В овраге» *«бабы и девки возят на станцию кирпич и нагружают вагоны и получают за это по четвертаку в день»*.

ПОЛТИННИК, ПОЛТИНА. Слова эти, обозначающие 50-копеечную монету, можно было услышать сравнительно недавно, в старину же слово «полтина» было официальным термином и чеканилось на лицевой стороне монеты.

ВОСЬМИГРИВЕННЫЙ. $8 \times 10 = 80$ копеек. Русской монеты в 80 копеек никогда не было: так называлась персидская серебряная монета в 4 абазы, ходившая у нас на Кавказе. Максим Максимович у Лермонтова обещает лакею Печорина «восьмигривенный» не случайно — дело происходит на Кавказе.

Несколько полуофициальных и неофициальных названий было у основной денежной единицы России — рубля. Чаще всего в литературе встречается ЦЕЛКОВЫЙ и ЦЕЛКОВИК, но это не любой рубль, а рубль одной монетой, «целый». Городничий в «Ревизоре» Гоголя дает слуге Хлестакова Осипу *«пару целковиков на чай»* — подачка щедрая! Серебряный рубль иногда кратко именовался МОНЕТОЙ и даже МОНЕТ — в мужском роде. *«Вот тебе десять монетов, поди к маркитанту»*, — говорит юнкер Гуськов солдату в рассказе Л. Толстого «Разжалованный»; это означает десять рублей. Бумажный рубль именовался БИЛЕТИК. Старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» Достоевского укоряет Раскольникова: *«За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно»*; таким образом, ростовщица считает, что переплатила.

Старый петровский рубль именовался КРЕСТОВИК за то, что на нем были отчеканены расположенные крестом четыре буквы П («Петр»).

Слова ТРЕХРУБЛЕВИК, ТРЕШНИЦА, ПЯТИТКА, ПЯТЕШНИЦА, ПЯТИРУБЛЕВКА ясны без объяснений. Трехрублевая золотая монета называлась ЧЕРВОНЦЕМ (вспомним выражение «червонное золото», то есть металл высокого качества). Пушкин писал Баратынскому: *«Стих каждый в повести твой / Звучит и блещет, как червонец»*.

Понятия ЗОЛОТОЙ и ПОЛУИМПЕРИАЛ требуют расшифровки. *«Все-таки полумпериалов с сотню наберу у себя»*, — говорит Кучумов в «Бешеных деньгах» Островского. Много это или мало?

Оба названия применялись к пятирублевой монете, к концу XIX века ЗОЛОТЫМ стали называть десятирублевую.

Вообще же монета достоинством 10 рублей имела несколько устойчивых обозначений. Золотая десятирублевая монета именовалась ИМПЕРИАЛОМ (после 1897 г. империа́л стал стоить 15 рублей), АРАБЧИКОМ, ЛОБАНЧИКОМ. Откуда арабчик (или арапчик) — неясно, империа́л означает «императорский», а лобанчиком народ прозвал монету по равноценному ей французскому золотому, на котором была отчеканена голова одного из королей династии Бурбонов.

В комедии Островского «Свои люди — сочтемся!» купчиха обещает свахе за то, что та нашла жениха «благородного происхождения», *«парочку арабчиков»*. В рассказе Лескова «Интересные мужчины» офицеры-картежники, в ожидании нового игрока, говорят: *«Что же нам все свои лобанчики из кошелька в кошелек перелобанивать»*. Как видим, игра шла по крупной.

ЧЕТВЕРТНОЙ называли 25 рублей (четверть от сотни). В чеховской «Свадьбе» за присутствие

на свадьбе «настоящего генерала» была заплачена четвертная. Однако генерал оказался мнимым, а деньги присвоил посредник. В рассказе Чехова «Хороший конец» сваха жалуется: *«Какие наши заработки? Ежели в скоромный месяц заработаешь две четвертных, и слава Богу»*. Обер-кондуктор, ищущий невесту, удивляется: *«Пятьдесят рублей! Не всякий мужчина столько получит!»* Дело кончается тем, что обер-кондуктор женится на самой свахе.

Реже о такой сумме говорили УГОЛ. Торгуясь с Чичиковым за мертвые души, Собакевич предлагает «угол». *«То есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю»*, — отвечает Чичиков.

Сторублевая ассигнация называлась ГОСУДАРСТВЕННОЙ — на ней было напечатано: «Государственный казначейский билет», — или в обиходе КАТЕРИНКОЙ за то, что на ней был изображен портрет Екатерины II. Правда, «государственной» именовали и 500-рублевую ассигнацию за аналогичную надпись. Именно такую сумму денег имеет в виду Чичиков, рассуждая об умершем плотнике Степане Пробке, который *«притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог»*. Тут по контексту «государственная» — не те же «сто целковиков», а нечто гораздо большее.

Два курса

При чтении русской классической литературы немалые затруднения может вызвать долгое время существовавший в стране двойной счет денег — на ассигнации и на серебро. Впервые АССИГНАЦИИ, то есть бумажные деньги, появились в России в 1769 году. В обращении они все более теснили серебряные и медные монеты. Ассигнации назывались также БАНКОВСКИМИ БИЛЕТАМИ — в «Пиковой даме» Пушкина игра идет именно на банковские билеты. Вскоре ассигнационный рубль стал общепринятой счетной единицей.

Первое время ассигнационный рубль был равен серебряному. Однако из-за чрезмерного выпуска ассигнаций, не обеспеченных серебром, началось падение курса: медные и бумажные деньги ходили в одной цене, а серебряные ценились выше. Соотношение постоянно колебалось: в расчетах и сделках приходилось приравнивать один серебряный рубль к четырем ассигнационным. *«Тогда еще были трехрублевые, — читаем в «Что делать?» Чернышевского, — то есть, если помните, монета в 75 копеек»*.

Итак, одновременно существовали два исчисления: за одну и ту же вещь можно было заплатить либо рубль серебром, либо четыре бумажных (ассигнационных) рубля. Отсюда — совершенно загадочная для нас сцена в «Мертвых душах»: шинкарь требует с Ноздрева за водку двугривенник (20 копеек), а тот говорит зятю: *«Дай ей полтину, предовольно с нее»*. *«Маловато барин, — сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностью и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что стоила водка»*.

Почему 50 копеек для старухи «маловато» в сравнении с запрошенными 20 копейками и тем не менее полученная сумма так обрадовала ее?

Все дело в том, что шинкарь запросила двугривенник в счете на серебро, то есть хотела получить 80 копеек в пересчете на ассигнации (тогда как товар стоил 20 копеек ассигнациями), а получила 50 копеек ассигнациями, то есть хоть не вчетверо, но в два с половиной раза больше цены.

Все официальные сделки велись на ассигнации. Чичиков скупает мертвые души в счете на ассигнации — только так казенная палата (финансовый орган губернии) утверждает его покупку.

Надо сказать, что курс ассигнаций постоянно менялся в зависимости не только от времени, но и от места расчета, а также от вида обмениваемой монеты (медь или серебро). Если судить по примерам из русской классической литературы, курс этот колебался от 2 р. 90 к. до 4 р. 30 к. по отношению к серебряному рублю. Создавалась путаница; в убытке оставались люди несведущие и неопытные.

В комедии Островского «Горячее сердце» купец-самодур Хлынов обещает заплатить за учиненный дебош сто рублей серебром, а вносит штраф тремя сторублевыми ассигнациями, исходя из курса один к трем.

В пьесе А.В. Сухово-Кобылина «Дело» попавший в руки вымогателей-чиновников помещик Муромский приходит в ужас от суммы требуемой взятки: он привык все переводить в ассигнации и его устрашает сумма — 30 тысяч серебром. *«Силы небесные — да ведь это сто тысяч!»*

Только в 1839 году был установлен твердый курс серебряного рубля по отношению к

бумажному: 1 к 3,5. К 1843 году вместо ассигнаций ввели государственные КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ, которые принимались в банках к обмену на звонкую монету. В быту они назывались кредитками, хотя по старой памяти многие продолжали именовать их ассигнациями, которые уже были изъяты из обращения. Персонажи Островского нередко говорят о кредитных билетах «ассигнации».

Все цвета радуги

В обиходе бумажные деньги часто именовались по расцветке. Вот тут-то требуется «расшифровка».

ЖЕЛТЕНЬКАЯ — рубль. *«Аненька вынула из портмоне три желтенькие бумажки, раздала старым слугам»* («Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина). Иногда «желтенькая» игриво именуется «КАНАРЕЙКОЙ» — по желтому цвету этой птицы.

ЗЕЛЕНЕНЬКАЯ — три рубля. Муров («Без вины виноватые» Островского) дал зелененькую на воспитание сына — теперь мы осознаем всю скупость этого богача. В «Преступлении и наказании» Достоевского *«чиновник дал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку»*.

СИНЕНЬКАЯ — пять рублей. Чичиков сулит Коробочке 15 рублей ассигнациями — *«и не серебром, а все синими ассигнациями»*. Герой рассказа Л. Толстого «Поликушка» рассказывает историю, *«как доктору синенькую мужик дал и тем уволился»*, то есть избавился от рекрутчины. Иногда синенькая в просторечии называлась СИНИЦЕЙ, а то и СИНЮХОЙ. «Вот тебе и синица в задаток», — говорит цыган парубку Грицько в «Сорочинской ярмарке» Гоголя.

КРАСНЕНЬКАЯ — десять рублей. В «Воскресении» Л. Толстого Катюша Маслова показывает суду: *«При них взяла четыре красненьких»*. Прокурор переводит выражение на официальный язык — «40 рублей». Иногда говорили «краснуха» и даже «рак», по цвету вареного рака. *«За сто раков не соглашусь»*, — заявляет один из персонажей «Записок из мертвого дома» Достоевского.

БЕЛЕНЬКАЯ — 25 рублей, *«...за ландшафтик возьму беленькую»*, — говорит торговец картинами в повести «Портрет» Гоголя.

РАДУЖНАЯ — 100 рублей. Федор Павлович Карамазов обронил *«на собственном дворе, в грязи, три радужных бумажки»*. Смердяков поднял, принес, за что получил в награду десять рублей.

СЕРЕНЬКАЯ — 200 рублей. У Герцена в «Былом и думах» секретарь, получивший взятку 200 рублей ассигнациями, нагло заявляет: *«Ну, серенькая, тем лучше, пусть другие просители видят, это их поощрит, когда они узнают, что двести рублей я взял, да зато дело обделал»*.

Теперь нам ясно, что имеет в виду, разбирая деньги, герой рассказа Лескова «Очарованный странник», образно говоря: *«Синие синицы и серые утицы и красные косачи — только одних белых лебедей нет»*. Поясним только, что косачом назывался полевой тетерев-самец. Ничего не скажешь, уподобление бумажных денег птицам звучит почти поэтически!

Для удобства пользования приведем таблицу:

Желтенькая — 1 рубль.

Зелененькая — 3 рубля.

Синенькая — 5 рублей.

Красненькая — 10 рублей.

Беленькая — 25 рублей.

Радужная — 100 рублей.

Серенькая — 200 рублей.

Ценные бумаги

С развитием капиталистических отношений в XIX веке, наряду с металлическими и бумажными деньгами, в обращение все чаще стали входить ценные бумаги: депозитки, серии, билеты (то есть облигации частных банков), ломбардные билеты, акции, векселя. Пересчет их на «чистые деньги» составлял немалые трудности для людей малограмотных. В комедии Островского «Без вины виноватые» необразованная Шелавина говорит: *«Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами, да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть»*.

Для пополнения казны металлическим запасом государство ввело ДЕПОЗИТНЫЕ БИЛЕТЫ: за

сданные в банк золото и серебро вкладчикам выдавались депозиты, то есть сохранные расписки, ходившие наравне с деньгами. Так же ходили и беспрепятственно обменивались на серебро и СЕРИИ с отрезными купонами, приносящие к тому же владельцу небольшой процент.

После того как Стива Облонский («Анна Каренина» Л. Толстого) продал лес, мы видим его с *«оттопыренным карманом серий»*. В рассказе Чехова «Без места» кандидат прав Перепелкин, чтобы устроиться на должность, сует чиновнику депозитку, что оказало свое действие.

С оскудением дворянства все шире стали развиваться ссудно-залоговые операции. В ссудных кассах (они назывались ЛОМБАРДАМИ) можно было получить под залог крепостных крестьян, земли или другой недвижимости сумму денег с обязательной ежегодной уплатой процентов за нее. В случае неуплаты заложенные ценности отходили в погашение ссуды выдавшему ее учреждению. Помните, у Пушкина: отец Онегина *«понять его не мог / И земли отдавал в залог»*? Документ о сдаче ценностей в залог назывался ЗАКЛАДНОЙ. *«Скоро проценты по закладной платить»*, — такую тревожную фразу нередко произносят дворяне — персонажи русской литературы. И так уже вся ссуда истрачена, а тут еще ищи деньги, чтобы ее не потребовали назад!

С залогом крепостных душ связана афера Чичикова в «Мертвых душах», о которой будет подробно рассказано в другой главе.

Ломбарды не только принимали в залог имущество, но брали на хранение и деньги, которые пускались ими в оборот. Часть дохода с оборота (обычно 5% в год) выплачивалась вкладчику. Были и беспроцентные, но зато выигрышные билеты. ЛОМБАРДНЫЕ БИЛЕТЫ обращались наряду с обычными деньгами. Арина Петровна в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» подсчитывает пятипроцентные билеты, а сын ее, Иудушка, мечтает: *«Накуплю я себе билетов, положу в верное место и стану пользоваться процентами: ни заботушки мне, ни горюшка, отрезал купончик — пожалуйста, денежки!»*

Тут надо пояснить, что на процентных ломбардных билетах печатались бланки КУПОНОВ (отрезных талонов), по предъявлении которых держатель получал деньги по проценту. Эти купоны, хотя и неохотно, но принимались наряду с деньгами как средство оплаты. В рассказе Л. Толстого «Фальшивый купон» описывается, как гимназист Митя приписывает к обозначенной на купоне цифре 2 р. 50 коп. спереди единицу и сбывает этот купон как 12,5 рубля. Купон пошел по рукам, но вскоре опознается как поддельный и становится первопричиной многих несчастий и преступлений.

Чаще, чем купон или билет, в литературе встречается слово ВЕКСЕЛЬ. Что это такое? Вексель — официально заверенное, оформленное на специальной гербовой бумаге долговое обязательство, гарантирующее уплату долга, как правило, с процентами, в установленный срок, под залог имущества. Если должник оказывался неплатежеспособным, то с согласия заимодавца (или нескольких заимодавцев) выплата долга могла быть отсрочена, либо заимодавцы довольствовались уплатой не всей одолженной суммы, а части ее, определенного процента. Если ни на то, ни на другое кредиторы не соглашались, дело передавалось в суд, который описывал и продавал имущество несостоятельного должника, чем и компенсировал недоплаченные векселя.

Векселя принимались к оплате, как и обычные деньги. В повести Пушкина «Пиковая дама» говорится о Чекалинском, который нажил миллионы, «выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги». Речь идет о карточной игре. Векселя, разумеется, ценились ниже чистых денег, так как не было гарантий, что они будут оплачены полной суммой. Этим и пользовались люди ловкие и хитрые, вроде Чекалинского: вексель, допустим, в сто рублей он принимал как десятирублевый, а получал по нему если не сто, то хотя бы 50 рублей. Тем же занималась в компании с Федором Павловичем Карамазовым Грушенька у Достоевского: *«скупкою векселей за бесценнок, по гривеннику за рубль, а потом приобрела на иных из этих векселей по рублю на гривенник»*.

Юный Саша в рассказе Чехова «Задача» получил в банке бланк векселя, на котором подделал подпись богатого дяди-полковника, и получил сумму в 1500 рублей. Вскоре подлог обнаружили в банке (наставал срок платежа), юнцу грозил суд, спасти от которого может только срочное внесение в банк взятой суммы. Чтобы избавиться от позора, семья идет на это, после чего наглец выпрашивает у дяди сто рублей, угрожая в случае отказа пойти в суд и опозорить семейство.

Иногда люди бесчестные, пользуясь наивностью или невежеством нуждающихся, заставляли их ставить свою подпись под вексельным бланком, в котором сумма ссуды не была указана. Тем самым в подписанный вексель можно было вписать любую сумму, превышающую размер одолженной. С такими ситуациями мы встречаемся в пьесах Островского «Тяжелые дни» и «Волки и овцы».

Требуют пояснения некоторые выражения, связанные со словом «вексель», так как они часто встречаются в русской художественной литературе. **УЧЕСТЬ ВЕКСЕЛЬ** — сдать его в банк и получить за него деньги до наступления срока платежа, с вычетом в пользу банка учетного процента. **ПРОСРОЧИТЬ ВЕКСЕЛЬ** — не уплатить по нему в срок. **ОПРОТЕСТОВАТЬ ВЕКСЕЛЬ** — официально установить неуплату в срок по векселю, что давало некоторые льготы держателю при взыскании долга. **ПРЕДЪЯВИТЬ ВЕКСЕЛЬ КО ВЗЫСКАНИЮ** — потребовать по нему деньги. **ДИСКОНТИРОВАТЬ** — то же, что учесть вексель.

Смысл интриги комедии Островского «Свои люди — сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот») сводится к следующему: желая нажиться на заниженной выплате денег по имеющимся векселям, купец Большов ложно объявляет себя банкротом. Дабы суд не мог взыскать с него в счет неоплаченных векселей имущество, Большов заранее переписывает его на имя приказчика — зятя Подхалюзина. На время разбирательства дела купца сажают в долговую тюрьму — «ЯМУ». Однако заимодавцы не согласны брать десять копеек за одолженный Большову рубль, а зять, «породственному», якобы фиктивно завладевший его капиталами, домами и лавками, отказывается заплатить заимодавцам по 25 копеек за рубль, как они требуют, что сразу же освободило бы купца из «ямы». Обманутому и разоренному Большову грозит ссылка в Сибирь. Так сочлись «свои люди» — молодой хищник провел старого.

Афера с подделкой на векселе чужой подписи во многом определяет интригу другой комедии Островского — «Волки и овцы».

С развитием в России капитализма все большее значение приобретали деньги и заменяющие их документы. Стремление во что бы то ни стало разбогатеть любой ценой, идя, если нужно, на риск, отражено во многих произведениях русской литературы. В «Маскараде» Лермонтова Неизвестный очень четко формулирует эту страсть:

Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им.

Денежные отношения персонажей занимают немалое место в произведениях русских классиков. Смысл их, однако, часто скрыт от нас плотной завесой времени, коренным образом изменившего законы и условия жизни. Весьма важно раскрыть эту завесу, чтобы полнее уяснить психологию героев, причины их поступков и суть отображенных конфликтов.